

III

А. 164

М. М. Абрашковиъ.

~~10000~~ 5358^а

НОВЫЙ КАТЕХИЗИСЪ

УГОЛОВНОЙ ЗАЩИТЫ.

(Критическія замѣтки).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1908.

У. 14008

219148

~~1944~~
~~11.11.11~~

СП6ГУ

Въ эпохи общественнаго броженія нарождаются произведенія печати, которыя самымъ фактомъ своего появленія, каждое по своему, весьма энергично подчеркиваютъ отрицательныя стороны переживаемаго безвременья. Такъ, много лѣтъ назадъ былъ выпущенъ въ свѣтъ знаменитый Нечаевскій „Катехизисъ революціи“; вслѣдъ за нимъ появилось „Научное революціонное искусство войны или указатель для пользованія динамитомъ“. Недавно въ числѣ вещественныхъ доказательствъ по одному уголовному дѣлу былъ зарегистрированъ „Практическій указатель сладострастныхъ ласкъ“. Порнографическія изданія вообще въ наши дни возникаютъ дерзко и открыто, широко рекламируя себя. Проповѣдь безправственныхъ началъ звучитъ въ различныхъ областяхъ проявленія человѣческой личности. Между прочимъ, надняхъ адепты безпринципности получили удовольствіе привѣтствовать новое твореніе того же увлекательнаго направленія: „Уголовная защита, какъ систематическое сокрытіе правды (краткое практическое пособіе къ извращенію фактической и юридической стороны уголовныхъ дѣлъ)“, — таково, казалось бы, должно быть точное названіе только что изданной брошюры: „Уголовная защита (практическія замѣтки)“, авторъ которой счелъ нужнымъ скрыть свое имя подъ буквами: „П. П-въ“.

„Настоящія замѣтки“, такъ начинается названная брошюра: „имѣютъ скромную цѣль, въ нихъ нѣтъ ни откровенія о томъ, какъ сдѣлаться блестящимъ ораторомъ, ни вѣрнаго средства выигрывать громкіе процессы. Онѣ предназначены для скромныхъ людей и скромныхъ дѣлъ. Задача этихъ замѣтокъ сводится къ тому, чтобы защита по этимъ рядовымъ дѣламъ не оставалась безплодной... Молодой адво-

катъ, который захотѣлъ бы воспользоваться предлагаемымъ здѣсь указаніями, убѣдится, сводя свои годовые итоги, что ему удалось скинуть со счета подсудимыхъ нѣкоторое количество недѣль ареста, мѣсяцевъ тюрьмы, а можетъ быть, и нѣсколько лѣтъ каторги“ (стр. 5—6). Итакъ, во всякомъ случаѣ авторъ общаетъ, что въ его сочиненіи начинающій адвокатъ найдетъ „вѣрное средство“ обезпечить подсудимымъ если не полное оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, сбавку грозящаго имъ наказанія,—заслуженнаго или незаслуженнаго ими,—объ этомъ умалчивается. Планъ сочиненія таковъ: сначала—„общія указанія“ (стр. 5—18), затѣмъ отдѣльныя „практическія соображенія“, разбросанныя довольно прихотливо,—не говоря ужъ о различныхъ „лирическихъ“ отступленіяхъ,—по слѣдующимъ рубрикамъ: кража (стр. 19—25), грабежъ (стр. 25—29), лишеніе жизни и тѣлесныя поврежденія (стр. 29—45), покушеніе (стр. 45—51), допросы (стр. 52—59), чужія ошибки (стр. 59—65), подсудимый (стр. 66—73), постановка вопросовъ (стр. 73—76); рѣчь (стр. 76—83).

Для каждаго, кому приходится бывать въ судебныхъ засѣданіяхъ, ясно, что современный тонъ и характеръ этихъ засѣданій обязываетъ автора всякаго произведенія, затрогивающаго вопросъ о постановкѣ уголовной защиты,—будь то глубоко продуманный, систематичный, ученый трудъ или самыя ничтожныя, поверхностныя практическія замѣтки,—выдвинуть впередъ этическую сторону этого вопроса. Читателю необходимо прежде всего уяснить себѣ, что такое уголовная защита, въ чемъ заключается ея задача, каковы средства, которыми можетъ и долженъ пользоваться уголовный защитникъ? Посмотримъ, останавливается ли на этихъ вопросахъ и какое разрѣшеніе даетъ имъ нашъ авторъ?

„Задача защитника въ уголовномъ процессѣ“, говоритъ П-въ: „существенно отличается отъ задачъ обвинителя и судей; для прокурора—*salus reipublicae suprema lex*; для судей—*fiat justitia, pereat mundus*; для защитника—пусть погибнетъ міръ, лишь бы я могъ спасти подсудимаго. Тотъ, кто избралъ уголовную защиту своимъ служеніемъ жизни, долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что совершаетъ нравственное преступленіе всякій разъ, когда, взявшись за дѣло, не сдѣлать для подсудимаго всего, что было въ силахъ.

Въ этомъ
2-6 а —
закон
да
свободн
кража
т. 19—25
не вѣрно
мнѣ

и власти его. Если онъ усвоитъ себѣ это убѣжденіе, если будетъ горѣть этой мыслью, онъ достигнетъ многого; если нѣтъ, онъ, пожалуй, будетъ произносить умныя и красивыя рѣчи, добьется извѣстности и накопитъ денегъ, но онъ не найдетъ нравственнаго удовлетворенія въ своей работѣ; въ концѣ жизненнаго опыта разсудокъ скажетъ ему: ты хорошо говорилъ, но сердце не кликнетъ: ты совершилъ подвигъ“ (стр. 6).

Разберемся въ этихъ красиво нанизанныхъ фразахъ. „Подвигъ“... Къ чему онъ сводится?—„Пусть погибнетъ міръ, лишь бы я могъ спасти подсудимаго!“ Спаси, и спаси, во что бы то ни стало,—спаси, напримѣръ, мошенника, обобраваго беззащитную старуху, спаси сластолюбца, организовавшаго около себя компанію для растлѣнія безпризорныхъ дѣтей, спаси разбойника, обогрѣннаго кровью истерзанной имъ жертвы, спаси... отъ чего?.. отъ заслуженной ими кары, установленной уголовнымъ закономъ?!... Не можетъ быть!.. Неужели таково подлинное credo автора „Уголовной защиты?“ Увы, никакихъ оговорокъ, никакихъ ограниченій нѣтъ въ этихъ бойкихъ, хлесткихъ строкахъ. Но, быть можетъ, здѣсь погоня за красотой стили привела къ неправильной передачѣ внутренняго міросозерцанія автора? Не будемъ спѣшить съ окончательными выводами, рассмотримъ терпѣливо все его произведеніе.

Итакъ, мы только что прочли у П—ва опредѣленіе цѣли уголовной защиты. Каковы же должны быть средства, направленные къ ея достиженію?

Изъ одного маленькаго отрывка можно опредѣлить руководящія взгляды автора „Уголовной защиты“. По нашей судебной практикѣ, вытекающей изъ 683 ст. у. у. с. и рѣшенія Правительствующаго Сената по Уголовному Кассационному Департаменту за 1867 годъ по дѣлу № 606, председатель, предложивъ подсудимому послѣ прочтенія обвинительнаго акта вопросъ о виновности и получивъ отрицательный отвѣтъ, въ особенности если подсудимый отвергаетъ совершеніе имъ преступленія, въ коемъ онъ обвиняется, приступаетъ къ повѣркѣ судебныхъ доказательствъ, предлагая подсудимому давать объясненія уже впослѣдствіи, при разсмотрѣніи каждаго изъ доказательствъ. „Это обыкновеніе“, по мнѣнію П—ва „основано на невѣрномъ пониманіи 683 ст. у. у. с.“ (стр. 68).

Изобразивъ въ яркихъ краскахъ положеніе подсудимаго, страдающаго отъ такихъ неправильностей, П—въ поучаетъ: „защитнику слѣдуетъ настоять на томъ, чтобы судъ, не откладывая, выслушивалъ подсудимаго при всякомъ заявленіи его о желаніи представить какія-либо объясненія или опроверженія, хотя бы и тотчасъ послѣ отрицательнаго отвѣта его на вопросъ о виновности. Въ подтвержденіе своего требованія защитникъ можетъ сослаться на прямой смыслъ закона, запрещающаго предсѣдателю спрашивать, но не воспрещающаго подсудимому говорить“ (стр. 71 и 72). Кромѣ того, надлежитъ сослаться на 612 ст. у. у. с. и сенатскія рѣшенія 1868 года № 72 и 1869 года № 942; это „будетъ, конечно, въ достаточной степени убѣдительно для суда; въ противномъ случаѣ у защитника окажется въ запасѣ неотразимый кассационный поводъ“ (стр. 72). Такъ ли это? Вспомнимъ, что Сенатомъ еще въ 1871 году по дѣлу № 783 разъяснено, что нарушеніе 683 ст. у. у. с. должно быть признано существеннымъ лишь тогда, если предсѣдательствующій лишаетъ подсудимаго права представлять объясненія о разсмотрѣнномъ доказательствѣ. Если предсѣдатель откладываетъ объясненіе несознавашаго подсудимаго до этого момента, это не равносильно тому, что онъ вовсе лишаетъ подсудимаго возможности дать это объясненіе, отнимаетъ у него средства къ оправданію. Поэтому ссылка П—ва на 612 ст. у. у. с. и сенатскія рѣшенія 1868 года № 72 и 1869 года № 942 сдѣлана всею и едва ли убѣдитъ судъ въ правильности домогательства защиты. Однако, судъ или вѣрнѣе предсѣдатель, въ силу предоставленной ему дискреціонной власти, конечно, можетъ удовлетворить такое ходатайство на томъ простомъ основаніи, что по существу удовлетвореніе его всегда скорѣе окажетъ правосудію пользу, чѣмъ принесетъ вредъ. Но, конечно, такое разрѣшеніе никоимъ образомъ не можетъ быть основано на разсужденіи П—ва, будто бы подсудимый въ правѣ представлять свои объясненія во всякое время, такъ какъ законъ не содержитъ прямого воспрещенія для подсудимаго говорить: во что превратился бы судебный процессъ, если бы подсудимому предоставили говорить, когда ему угодно!.. Вопросъ, который послужилъ поводомъ для П—ва развить свои соображенія, какъ я упомянулъ, особаго интереса не представляетъ.

Важно то, что аргументация автора въ концѣ концовъ сводится къ тому: „не запрещено,—дозволено“. Эта аргументация встрѣчается очень часто и нерѣдко приводитъ къ результатамъ, совершенно абсурднымъ. Порой вспоминается блестящая критика такихъ приѣмовъ юридическаго толкованія, вылившаяся изъ подъ пера покойнаго московскаго присяжнаго повѣреннаго Джаншиева: „по бульвару нельзя водить собакъ, гласить законъ: стало быть, свиней и медвѣдей можно водить“ („Веденіе неправыхъ дѣлъ“, 2-ое изд., 1887 г., стр. 6). Но въ своихъ разсужденіяхъ П—въ идетъ такъ далеко, что эта пародія теряетъ и свой блескъ и свою остроту. Сейчасъ мы увидимъ, что посредствомъ своеобразнаго толкованія автора „Уголовной защиты“ становится яено, какъ день, что при выборѣ средствъ, которыми можно бы достигнуть оправданія подсудимаго, едва ли умѣстна рѣчь о какихъ-либо запретахъ.

П—въ обращаетъ вниманіе, что по точной редакціи 612 ст. у. у. с., „предсѣдатель суда долженъ предоставлять каждому подсудимому всевозможныя средства къ оправданію“. „Составители судебныхъ уставовъ не сказали даже: всѣ законныя“,—подчеркиваетъ П—въ (стр. 72). „Scire leges“, говорили однако еще римскіе юристы: „non est verba earum tenere, sed vim ac potestatem“. Надо полагать, что творцы судебныхъ уставовъ не допускали и мысли, что полвѣка спустя, на распаханной ими нивѣ, на которой они съ такимъ усердіемъ сѣяли идеи добра, правды, уваженія къ закону и суду, взрастутъ, какъ плевелы среди пшеницы, такія лжетолкованія, что на основаніи судебныхъ уставовъ, т. е. на основаніи закона, допустимы какіе-либо иные способы защиты, кромѣ тѣхъ, которые этимъ закономъ установлены, что судебные уставы даже вмѣнили въ обязанность предсѣдателю суда предоставлять подсудимому и такія средства къ его оправданію, которыя лежатъ внѣ этого закона и, быть можетъ, прямо противорѣчатъ ему. Такая именно мысль сквозитъ въ краткомъ комментарий П—ва къ 612 ст. у. у. с. Если же судебные уставы, по его мнѣнію, ставятъ въ такое странное, непримиримое отношеніе къ закону самого предсѣдателя суда, какъ скоро рѣчь заходитъ объ удовлетвореніи интересовъ подсудимаго, то весьма понятно, что защитнику послѣдняго въ тѣхъ же случаяхъ

нѣтъ, не можетъ и не должно быть рѣшительно никакихъ препоновъ. Таковъ логическій выводъ. Быть можетъ, онъ утрашилъ самого П—ва, и тотъ, рискуя быть непослѣдательнымъ, пошелъ на какіе-либо компромиссы?.. Нисколько, со-вѣсть нѣтъ!...

Обязанъ ли защитникъ быть правдивымъ и точнымъ въ изложеніи на судѣ фактической стороны дѣла? Отъ этой обязанности П—въ его освобождаетъ. „Факты же, на которые ссылается защитникъ“, читаемъ въ рассматриваемой брошюрѣ: „могутъ быть изложены по *sine amplificatione*“ (стр. 74). Что означаетъ это латинское выраженіе? Почему употребилъ его авторъ, рекомендующій въ той же брошюрѣ избѣгать иностранныхъ словъ „ради любви къ чистой русской рѣчи“ (стр. 83)? Да потому, что слишкомъ бы рѣзко и грубо звучало на нашемъ родномъ языкѣ, что эти факты „могутъ быть изложены не безъ преувеличенія“, т. е. можно допускать искаженія или, говоря попросту,—перевирать и привирать, если это полезно для интересовъ подсудимаго. До сихъ поръ даже самые развязные изъ защитниковъ на такое право еще не претендовали, и одинъ изъ бойкихъ столичныхъ адвокатовъ, часто фигурирующихъ въ сенсационныхъ процессахъ, въ своихъ рѣчахъ, передъ такими отступленіями отъ истины или послѣ такихъ отступленій, обыкновенно считаетъ нужнымъ завѣрить присяжныхъ заседателей: „вѣдь, я не лгалъ и не передергивалъ, я не позволяю себѣ подобныхъ пріемовъ“!... Если теперь, съ благословенія автора „Уголовной защиты“, всякому адвокату въ интересахъ его кліента позволительно лгать и передергивать, то ему же удить рыбку въ мутной водѣ не только можно, но и должно. Напримѣръ: „врачъ, приглашенный въ качествѣ эксперта, сдѣлалъ описаніе раны и назвалъ ее тяжелой; больше по существу дѣла ничего отъ него не требуется и слѣдуетъ отпустить его. Однако, прокуроръ предлагаетъ ему длинный рядъ вопросовъ, которые якобы служить къ укрѣпленію экспертизы, а въ дѣйствительности вносятъ въ нее путаницу. Защитнику слѣдовало бы бережно сохранить эту путаницу и спросить только объ одномъ: какія послѣдствія раны сохранились въ настоящее время? Получивъ отвѣтъ: никакихъ, надо заявить суду, что другихъ вопросовъ не имѣется“ (стр. 57 и 58).

Какъ долженъ относиться защитникъ къ законамъ, подлежащимъ примѣненію въ томъ или иномъ дѣлѣ? „Исполнять въ точности и по крайнему своему разумѣнію законы Имперіи“—гласитъ присяга на званіе присяжнаго повѣреннаго. Совсѣмъ иначе отвѣчаетъ П—въ. „Для защитника“, пишетъ онъ: „обязательно всякій разъ самое внимательное разсмотрѣніе одного и того же вопроса: подъ какую статью закона всего выгоднѣе *подвести* (курсивъ автора) преступленіе. При справедливомъ законѣ, въ смыслѣ *aequitatis*, это было бы крючкотворствомъ; при нашемъ уложеніи—это добросовѣстная защита, ибо тотъ же вопросъ можно выразить словами: какъ предоставить суду возможность рѣшить дѣло справедливо и, если нужно, уменьшить до послѣдней степени наказаніе подсудимаго“ (стр. 18), т. е., если ужъ никакъ не удастся избавить его отъ всякой уголовной отвѣтственности. „Наши уголовные законы отстали отъ нашего нравственнаго сознанія“, поясняетъ П—въ: „*Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage*; поэтому *aequitas* почти всегда на сторонѣ защиты“ (стр. 18). Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, отъ чьего именно „нашего“ сознанія отстали наши уголовные законы и какіе именно? Быть можетъ, авторъ желаетъ провести здѣсь точку зрѣнія нарушителей закона; тогда, конечно, спорить съ нимъ на этой почвѣ трудно: пожалуй, представляется отжившимъ предразсудкомъ для вора,—что за кражу садятъ въ тюрьму, для головорѣза,—что за убійство ссылаютъ на каторгу, и еще недавно одинъ интеллигентный господинъ, будучи привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по 993, 1524, 1525 и 1528 ст. улож. о нак., соглашался, что въ его дѣяніяхъ есть элементъ безнравственности, но настаивалъ, что въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего преступнаго. Итакъ, съ устарѣвшимъ уложеніемъ стѣсняться приходится такъ же мало, какъ съ одряхлѣвшимъ львомъ въ баснѣ Крылова. Правда, оно еще признается дѣйствующимъ закономъ, правда строки, начертанныя въ Зерцалѣ, гласятъ: „всеу законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти“. Но, вѣдь, эти правила еще старѣе уложенія, вѣдь, это говорится въ томъ самомъ Петровскомъ указѣ, который осуждаетъ тѣхъ, которые „зело тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды“, а мы уже замѣтили и дальше увидимъ, что защитнику какъ разъ вмѣняется въ обязанность та-

кая минная работа, лишь бы она шла на благо подсудимаго. Эти указанія разсѣяны по всему сочиненію П—ва. Такъ, каждый юристъ знаетъ, что тяжелой раной признается всякая рана, повлекшая продолжительную болѣзнь раненаго или неспособность его къ работѣ, что отнюдь не устраняетъ для него возможности, въ конечномъ результатѣ, полного выздоровленія. Тѣмъ не менѣе по дѣламъ о нанесеніи тяжелыхъ ранъ П—въ внушаетъ молодому адвокату такое обращеніе къ присяжнымъ засѣдателямъ: „теоретически это, конечно, тяжелое пораненіе, но вы, вѣдь, судите не ради теоріи; вы знаете, что раненый лечился и вылезъ; и самъ онъ и экспертъ заявляютъ вамъ, что онъ совершенно здоровъ: судите сами; не забудьте только, что теорія въ вашемъ отвѣтѣ окажется долгой и тяжелой практикой въ судьбѣ подсудимаго“ (стр. 59). Подсудимый обвиняется въ грабежѣ; на судѣ выяснилось, что похищеніе совершено тайно; но въ прошломъ подсудимаго трехкратное отбытіе наказанія за кражи; отвѣтственность за 4-ю кражу строже, чѣмъ за грабежъ; защитникъ не долженъ соглашаться съ прокуроромъ, что налицо не открытое, а тайное похищеніе чужого имущества (стр. 49 и 50). Подсудимый обвиняется въ кражѣ со взломомъ изъ обитаемаго помѣщенія; защитникъ долженъ просить присяжныхъ засѣдателей: „скажите только одно: что зданіе не было обитаемо; это не будетъ вѣрно, какъ фактъ, но будетъ вѣрно по совѣсти и справедливости; председатель подтвердитъ вамъ, что вы имѣете это право, что если требуетъ совѣсть, вы обязаны такъ поступить“ (стр. 21 и 22). Очевидно, авторъ надѣется, что на председательскомъ креслѣ будетъ сидѣть его единомышленникъ, проникнутый сознаніемъ своего мнимаго долга предоставить подсудимому и всѣ незаконные способы оправданія. Но добросовѣтный слуга закона, конечно, разъяснитъ присяжнымъ засѣдателямъ, что они въ правѣ отвергать лишь такія отягчающія вину обстоятельства, наличность коихъ по дѣлу осталась не установленной, и при такомъ оборотѣ ссылка защитника на авторитетъ председателя потерпитъ полнѣйшее фіаско. Впрочемъ, можетъ стать, что защитнику придется слѣдовать иной тактикѣ; по казуистическому подсчету оказывается, что несовершеннолѣтнему отъ 17 лѣтъ до 21 года, при условіи признанія его заслуживающимъ снисхожденія или дѣйствовавшимъ въ состояніи

крайней нужны, выгоднѣ понести наказаніе по 1 ч. 1647 ст. улож. о нак., чѣмъ по 170¹ ст. уст. о нак. Тутъ защитникъ долженъ „предупредить присяжныхъ объ опасной игрѣ закона“ и, надо полагать,—настаивать на обитаемости зданія, хотя бы судебное слѣдствіе опровергло ея наличность (стр. 23—25).

Таково должно быть, по убѣжденію П—ва, отношеніе уголовнаго защитника къ фактамъ и законамъ. Съ лицами, участвующими въ процессѣ, считается и подавно не стѣбитъ. Правда, не слѣдуетъ ставить свидѣтелей и экспертовъ во враждебное къ защитѣ положеніе; однако, можно и должно настойчиво предлагать свидѣтелямъ вопросы, подлежащіе устраненію со стороны предсѣдательствующаго, разъ молчаніе допрашиваемыхъ можетъ быть истолковано на пользу защиты,—для авторитетности—ссылка на пресловутый допросъ въ Дрейфусовскомъ процессѣ адвокатомъ Лабори генерала Гонза (стр. 52—59). По отношенію къ прокурору рекомендуются полемическіе приемы, съ помощью которыхъ, по словамъ автора, графъ Витте перехитрилъ японскихъ уполномоченныхъ въ Портсмутѣ: притворное игнорированіе опасныхъ для защиты сторонъ обвиненія (стр. 29—30). Впрочемъ, тутъ практическіе совѣты П—ва слишкомъ запоздали. Полемическіе приемы усовершенствованы до *nes plus ultra*. Симуляція, которую рекомендуетъ П—въ,—вѣдь это ребячество съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ профессиональныхъ спасателей подсудимыхъ: для достиженія побѣды можно извратить слова противника, сообщить завѣдомо ложные факты изъ его частной жизни или изъ служебной дѣятельности, а я встрѣчалъ одного юриста, который для защиты сидѣвшихъ за его спиной убійцъ неизмѣнно обвинялъ прокурора въ... политической неблагонадежности!.. Что касается предсѣдательствующихъ, П—въ прежде всего старается разбить, казалось бы, и такъ уже совѣмъ утраченное защитой уваженіе къ авторитету предсѣдателя и вѣру въ его непогрѣшимость (стр. 60). Прибѣгая къ соответствующимъ иллюстраціямъ, авторъ указываетъ, какъ долженъ поступать защитникъ, остановленный предсѣдательствующимъ, но чувствующій себя „въ своемъ правѣ“: „люди находчивые дѣлаютъ это самыми разнообразными и остроумными способами; но находчивость свойственна не всякому. Между тѣмъ для этого существуетъ чисто ме-

ханической приёмъ, почти всегда отвѣчающей дѣли. Подчиняясь сдѣланному указанію, защитникъ говоритъ: „согласно замѣчанію г. предсѣдателя, я исправляю свою ошибку“, и затѣмъ высказываетъ мысль, прямо противоположную тому, что сказали раньше“ (стр. 63 и 64). Дѣйствительно, до такой находчивости надо додуматься. До сихъ поръ нѣкоторые представители защиты поступали болѣе наивно. Такъ, недавно одинъ изъ нихъ послѣ воспрещенія предсѣдательствующаго предлагать свидѣтелю не относящіяся къ дѣлу вопросы о брошенной когда-то и кѣмъ-то бомбѣ, спросилъ о числѣ пострадавшихъ отъ этого злодѣянія, и на замѣчаніе предсѣдательствующаго возразилъ, что раньше онъ спрашивалъ о взрывѣ, а теперь—объ его послѣдствіяхъ. Другой, юридическій младенецъ, будучи остановленъ предсѣдательствующимъ за свою фразу: „современная прокуратура пишетъ бездарные обвинительные акты“, попытался пролепетать: „я хотѣлъ сказать не бездарные, а тенденціозные“. Теперь эти неудачники могутъ примѣнить новыя спасительныя правила „Уголовной защиты“. Жаль только, что свою серію хитроумныхъ указаній П—въ не дополнилъ еще однимъ: какимъ маршемъ долженъ выступать уголовный защитникъ, въ случаѣ если предсѣдатель окажется вынужденнымъ предложить ему за ревностное исполненіе такой программы оставить залъ судебного засѣданія? Впрочемъ, сердить предсѣдателя чрезмѣрно П—въ не рекомендуетъ, находя это опаснымъ для интересовъ подсудимаго: „бываетъ, какъ ни стыдно говорить объ этомъ, что раздраженіе, вызванное защитой, отражается и на напутствіи предсѣдательствующаго“ (стр. 79). Тутъ, подымая завѣсу надъ тайной совѣщательной комнаты, П—въ сообщаетъ, что бываютъ и такіе предсѣдательствующие, которые даже хвалятся, какъ они „наложили“ защитнику (стр. 79). А потому, „во избѣжаніе зла“, защитникамъ слѣдуетъ усвоить искусство нравиться судьямъ, по старому рецепту, что адвокатамъ надлежитъ: „*docere, movere, placere*“ (стр. 79—80). Этотъ послѣдній совѣтъ въ особенности должно соблюдать относительно присяжныхъ засѣдателей (стр. 77—78), тѣмъ болѣе, что „присяжные засѣдатели бываютъ „добрыя“, такъ называемые присяжные оправдатели и бываютъ строгіе, законники“ (стр. 65). Оставаясь особенно внимательно на заключительномъ словѣ предсѣдатель-

ствующаго, П—въ предлагаетъ защитникамъ тщательно уловлять всѣ промахи послѣдняго и стараться использовать ихъ двояко, смотря по тому, какой оборотъ окажется болѣе выгоднымъ для подсудимаго: „защитникъ долженъ быть на сторожѣ; если ошибка была, надо по уходѣ просить о занесеніи въ протоколъ соотвѣствующихъ словъ предсѣдателя. Если защитникъ чувствуетъ, что шансы на его сторонѣ, можно просить о возвращеніи присяжныхъ въ залу и о дополнительномъ разъясненіи со стороны предсѣдателя; собственное объясненіе руководителя процесса о сдѣланномъ имъ упущеніи можетъ еще болѣе ослабить обвиненіе въ глазахъ присяжныхъ. Если, напротивъ того, защитникъ ждетъ обвинительнаго вердикта, этого дѣлать не слѣдуетъ, чтобы сохранить въ запасѣ надежный кассационный поводъ“ (стр. 60).

На послѣднихъ страницахъ своей брошюры, трактую о построеніи судебныхъ рѣчей, П—въ предостерегаетъ уголовныхъ защитниковъ отъ опасныхъ lapsus linguae. Къ такимъ ошибкамъ рѣчи онъ относитъ и случаи, когда защитникъ, отстаивавшій полную непричастность своего кліента къ кражѣ, expressis verbis подтвердилъ затѣмъ, что подсудимый былъ на мѣстѣ преступленія (стр. 81—82), и другой эпизодъ, когда въ судебномъ засѣданіи по дѣлу объ изнасилованіи двумя постовыми городскими дѣвушки, защитникъ спросилъ послѣднюю, сколько времени продолжался „первый сеансъ“ (стр. 83). Мнѣ кажется, что въ обоихъ случаяхъ кроется нѣчто иное, больше, чѣмъ простая обмолвка, нѣчто, требующее разъясненій не съ риторической, а съ этической точки зрѣнія. Въ первомъ случаѣ, очевидно, защитникъ пытался отвергнуть на судѣ факты, наличие которыхъ была для него несомнѣнна, во второмъ—защитникъ, стремился подорвать правдивость показанія потерпѣвшей и потому, не желая считаться съ чувствомъ поруганнаго достоинства жертвы преступленія, страшное несчастіе, свалившееся на ея голову неожиданно и незаслуженно, обозначилъ терминомъ: „сеансъ“, отнюдь не свидѣтельствующимъ о пониманіи ея горя и о сочувствіи къ ея ужасному положенію. Въ томъ-же процессѣ защитникъ другого городского, усердствуя на пользу послѣдняго, разразился тирадой, въ которой не пощадилъ ни себя, ни близкой ему особы: „какую доказательную силу могутъ имѣть слезы потерпѣвшей,“ восклицалъ рьяный защитникъ:

„скажу вамъ чистосердечно: мнѣ отдавалась женщина, любя, и въ то же время рыдала, а я, вѣдь, не сижу на скамьѣ подсудимыхъ!“ Безцеремонное отношеніе къ женской чести и чувству стыдливости, повидимому, получаетъ въ рѣчахъ нѣкоторыхъ защитниковъ права гражданства: въ прошломъ году, при разборѣ въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ одного громкаго дѣла объ убійствѣ по найму, защитникъ одного изъ подсудимыхъ, касаясь связи съ убитымъ жены своего кліента, выступавшей свидѣтельницей по дѣлу, произнесъ въ своей рѣчи: „онъ (покойный) заполнялъ ея пустоту, но не душевную, а физическую“... Такихъ примѣровъ изъ жизни можно привести великое множество, но въ произведеніи П—ва мы не встрѣтимъ ни одного примѣра осужденія съ точки зрѣнія этики какихъ бы то ни было приѣмовъ уголовной защиты.

Отсутствіе указаній на необходимость соблюденія какихъ-либо нравственныхъ принциповъ, которыми-бы должна опредѣляться дѣятельность уголовного защитника, весьма замѣнательно въ брошюрѣ П—ва. Но, пожалуй, не менѣе характерно отношеніе автора къ спеціальному юридическому образованію.

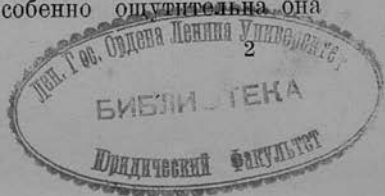
Юридическія познанія вообще въ глазахъ автора „Уголовной защиты“ имѣютъ весьма относительную цѣнность. Подхвативъ мѣткое и глубокое замѣчаніе С. А. Андреевскаго: „чѣмъ менѣе уголовные защитники юристы *по натурѣ*, тѣмъ они драгоцѣннѣе для суда“, П—въ присовокупляетъ: „къ этому во многихъ случаяхъ можно было бы прибавить: чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ менѣе юридическихъ познаній требуется отъ защитника. На что могутъ быть нужны казуистическія тонкости въ дѣлахъ о корыстныхъ убійствахъ, о поджогахъ, въ преступленіяхъ противъ чести женщинъ и т. п.“ (стр. 17). Возьмемъ для примѣра сильно нашумѣвшее и только что вторично разсмотрѣнное дѣло объ убійствѣ инженера Федорова; въ прошломъ году оно было кассировано Сенатомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе неправильной постановки вопросовъ; въ этомъ году при его разсмотрѣніи возникъ цѣлый рядъ новыхъ, весьма сложныхъ юридическихъ споровъ. Нынѣшнею зимою Сенатъ кассировалъ приговоръ по большому дѣлу Баланкиной, осужденной за поджогъ, съ цѣлю полученія страхового вознагражденія,

своей квартиры въ 6-этажномъ, густо населенномъ домѣ, кассироваль единственно на томъ основаніи, что председательствующій не разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ ихъ право отвергнуть въ дѣяніи подсудимой цѣль получения страхового вознагражденія и обитаемость подожженного ею дома. Спрашивается, какъ бы безъ юридическихъ свѣдѣній обезпечили стороны въ этихъ дѣлахъ свои интересы, установили наличность кассационныхъ поводовъ и закрѣпили своевременно возможность воспользоваться ими?.. Наконецъ, еще одинъ примѣръ: сколько юридическихъ сомнѣній еще въ стадіи предварительнаго слѣдствія возбуждала постановка не рассмотрѣннаго еще судомъ дѣла о преступленіяхъ противъ женской чести, учиненныхъ однимъ учителемъ французскаго языка въ Петербургѣ!.. Всѣ эти примѣры взяты изъ практики С.-Петербургскаго окружнаго суда, за короткій періодъ времени; быть можетъ, они неизвѣстны автору „Уголовной защиты“; но, вѣдь, можно привести безчисленное множество подобныхъ имъ, взятыхъ изъ практики различныхъ судовъ.

И такъ, въ важныхъ дѣлахъ, по мнѣнію, П—ва, „нужно знаніе жизни и знаніе психологіи присяжныхъ, а не кассационныхъ рѣшеній. Напротивъ того, въ тѣхъ каждодневныхъ дѣлахъ, о которыхъ я говорилъ выше“, замѣчаетъ П—въ: „точное знакомство съ уложеніемъ о наказаніяхъ имѣетъ важнѣйшее значеніе“ (стр. 17). Поэтому онъ спѣшитъ сообщить своимъ читателямъ кое-какія свѣдѣнія, хотя-бы отрывочныя и безсистемныя, хотя-бы лишенные научнаго значенія, составляющія обиходъ всякаго ходатая по уголовнымъ дѣламъ, но здѣсь встрѣчается неожиданное препятствіе. Бѣда въ томъ, что пока авторъ „Уголовной защиты“ напрягаетъ свои силы, чтобы доказать своимъ читателямъ юридическія аксіомы, спорить съ нимъ дѣйствительно не приходится: такъ убѣдительно толкуетъ П—въ, что подсудимаго ждетъ меньшее наказаніе за покушеніе на преступленіе, чѣмъ за совершеніе послѣдняго (стр. 45—47), что подсудимому выгодно свести всякое убійство и нанесеніе ранъ къ учиненію этихъ дѣяній въ дракѣ (стр. 29)!.. Остается только пожалѣть, зачѣмъ тратитъ авторъ и слова и время на доказываніе аксіомъ, т. е. положеній, никакихъ доказательствъ не требующихъ, такъ какъ правильность ихъ оче-

видна. Но какъ только П—въ удаляется отъ этихъ ясныхъ и точныхъ границъ, начинаются его блужданія, и тутъ выступаетъ съ очевидностію, какъ опасно пускаться въ юридическія экскурсіи, не запасшись предварительно достаточнымъ багажемъ знаній. Такъ, П—въ наивно высказываетъ мысль яко-бы безспорную, что „условное осужденіе не можетъ вызвать ни единого возраженія ни въ думѣ, ни въ госуд. совѣтѣ“ (стр. 11). Элементарный учебникъ уголовного права могъ-бы поколебать эту увѣренность: у института условнаго осужденія не все только друзья, а есть и враги, враги принципиальные и притомъ весьма авторитетные: напимѣръ, въ Германіи—знаменитый профессоръ Биндингъ, у насъ, въ Россіи,—профессоръ Сергѣевскій, который, надо полагать, будетъ возражать противъ этого законопроекта и въ Государственномъ Совѣтѣ, членомъ котораго онъ состоитъ въ настоящее время. Впрочемъ, быть можетъ, теоретическія свѣдѣнія, хотя-бы самыя элементарныя не обязательны для автора „практическихъ замѣтокъ“. Однако, и совѣмъ отсталый отъ науки рядовой практикъ-рутинеръ скажетъ, что утвержденіе сочинителя „Уголовной Защиты“, будто-бы „всякая судимость за кражу по уложенію влечетъ за собою ограниченіе правъ и воспрещеніе жить въ столицахъ и губернскихъ городахъ“ (стр. 13), невѣрно, такъ какъ примѣненіе 1656 ст. улож. о нак. за кражу не влечетъ еще само по себѣ высылки осужденнаго изъ столицы, не говоря ужъ о томъ, что правопораженія, исчисленныя въ 58¹ и 58² ст. улож. о нак., на несовершеннолѣтнихъ ни въ какомъ случаѣ не распространяются. Совершенно невѣрно и то, что „свойство поврежденій не имѣетъ значенія“ въ 1485 ст. улож. о нак. (стр. 31), такъ какъ примѣчаніе 1-ое къ 1496 ст. улож. о нак. имѣетъ значеніе и для 1485 ст. улож. о нак., и даже по подсудности послѣдняя статья разбивается за силою 33² ст. у. у. с. на двѣ части: нанесеніе легкой раны въ дракѣ подсудно Мировымъ Судьямъ и Уѣзднымъ Членамъ Окружныхъ Судовъ, а нанесеніе тяжелой раны въ дракѣ—Окружнымъ Судамъ. Безусловно противорѣчитъ нашему закону утвержденіе П—ва, будто-бы для состава преступленія, предусмотрѣннаго въ 1484 ст. улож. о нак., необходимо, чтобы поврежденіе, было тяжкимъ, „ибо смерть отъ незначительнаго поврежденія, какъ и смерть отъ такихъ

побоевъ подходит подь 1464 ст. улож. о нак.“ (стр. 39)... Я не берусь исчерпать всѣ погрѣшности П—ва; упомяну лишь еще объ одномъ случаѣ, гдѣ полемика, затѣянная авторомъ „Уголовной защиты“ сыграла для него роль одной изъ тѣхъ „волчьихъ ямъ“, отъ которыхъ онъ предостерегалъ своихъ читателей (стр. 54). Въ своей брошюрѣ П—въ яростно обрушился на какого-то представителя прокуратуры, который, обвиняя по 1 ч. 1484 ст. улож. о нак., по словамъ автора, сказалъ присяжнымъ засѣдателямъ: „преданіемъ суду подсудимаго по обвиненію въ нанесеніи смертельной раны вмѣсто обвиненія въ убійствѣ ему оказано громадное снисхожденіе, и грозящее ему наказаніе представляется минимальнымъ по сравненіи съ тѣмъ, которому онъ подлежалъ-бы за убійство“. Ст. 1484 въ 1-ой части караетъ, какъ извѣстно, каторгой отъ восьми до десяти лѣтъ. Можно представить себѣ изумленіе судей передъ такой риторической вольностью. Защитникъ могъ и долженъ былъ воспользоваться промахомъ прокурора. Столь грубая ошибка при столь тяжкомъ обвиненіи давала ему полное право быть безпощаднымъ къ противнику; онъ могъ сказать, что прокуроръ или совѣтъ не знаетъ закона или относится къ своимъ обязанностямъ съ непозволительнымъ легкомысліемъ. Могли-бы присяжные сохранить послѣ этого довѣріе къ обвиненію?“ (стр. 65). Изумленіе читателя, сколько-нибудь свѣдущаго въ юриспруденціи, навѣрное, не уступитъ изумленію автора и тѣхъ судей, о которыхъ онъ повѣствуетъ. По основному предположенію логики сравненіе производится обыкновенно *se-teris paribus*: только въ видѣ шутки или въ состояніи сумасшествія можно задаваться вопросомъ: что пріятнѣе имѣть: деревянный домъ или каменную болѣзнь? Сопоставляя рану, повлекшую смерть, съ убійствомъ и принимая во вниманіе, что эта рана нанесена съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ,—ясно, что если нѣтъ никакихъ оговорокъ, мы должны имѣть въ виду убійство, совершенное при томъ-же условіи, а именно съ намѣреніемъ заранѣе обдуманымъ, т. е. убійство, предусмотрѣнное въ 1454 ст. улож. о нак. Въ обоихъ случаяхъ въ наказаніе полагается каторга, но въ первомъ отъ 8 до 10 лѣтъ, а во второмъ—отъ 15 до 20 лѣтъ, а то и безъ срока; существенна-ли эта разница,—очевидно для всякаго разумнаго человѣка, но особенно ощутительна она

для того, кому пришлось-бы нести на себѣ лично послѣдствія такого приговора. Какіе-же отсюда выводы? Во-первыхъ, скажу словами автора „Уголовной защиты“: „чтобы изобличать другихъ въ незнаніи или невниманіи къ закону, надо самому твердо знать его“ (стр. 25); во-вторыхъ, перифразируя слова П—ва, спрошу: могутъ-ли теперь серьезные читатели при столь крупныхъ промахахъ автора сохранить какое-либо довѣріе къ его брошюрѣ? въ третьихъ, для легкомысленныхъ читателей, принимающихъ все на вѣру, эта брошюра, изобилующая дефектами, недопустимыми даже съ чисто ремесленной точки зрѣнія, очень и очень опасна; она прямо пагубна, какъ плохая морская карта, невѣрно изображающая подводные камни и мели, благодаря которой не одинъ мореплаватель посадитъ свой корабль на морской песокъ, либо разобьетъ его вдребезги о неожиданно встрѣченный рифъ.

Несомнѣнно, съ внѣшней стороны брошюра П—ва не лишена привлекательности. Языкъ автора красивый и понятный, — хотя не безъ исключеній (напримѣръ, на стр. 43, 72), — тонъ бойкій и увѣренный, — пожалуй даже черезчуръ (примѣры почти на каждой страницѣ), — небольшой размѣръ брошюры (83 страницы малато формата), незначительная стоимость (50 копѣекъ), — все это обезпечиваетъ для „Уголовной защиты“ широкій кружокъ читателей. Однако, всѣ эти внѣшнія положительныя качества пріобрѣтаютъ отрицательное значеніе при внутреннемъ содержаніи произведенія П—ва: при такихъ условіяхъ доступность книжки можно привѣтствовать еще менѣе, чѣмъ доступность женщины. Легковѣсная, какъ пыль, брошюра П—ва съ легкостью пыли можетъ проникать всюду; какъ пыль, способна она засорить все, что подпадетъ подъ ея дѣйствіе; какъ пыль, должно стереть ее съ книжнаго рынка. Опасность и вредоносность „Уголовной защиты“ усугубляются тѣмъ, что рассматриваемая брошюра для многихъ является не только доступной, но и весьма желанной, давножданной: она отвѣчаетъ самымъ измѣненнымъ вождѣлѣніямъ дѣльцовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, по своему нравственному уровню копошащихся на самомъ днѣ адвокатуры, тѣхъ, которые цѣлью своей жизни поставили не благородное служеніе истинѣ, правосудію, закону, а своекорыстное пособничество своимъ кліентамъ въ ихъ стремленіи выйти изъ

воды по возможности сухими. Не всякій найдетъ въ себѣ смѣлость опубликовать нѣчто вродѣ „Уголовной защиты“ или открыто подписаться подъ ея основными положеніями, но много, очень много, слишкомъ много найдется такихъ, которые въ душѣ исповѣдуютъ и въ жизни проводятъ подъ сурдинку тѣ-же самые принципы или, лучше сказать,—ту-же самую безпринципность. Бросимъ теперь общій взглядъ на главные тезисы „Уголовной защиты“.

Сопоставляя всѣ вышеприведенныя отрывочныя положенія П—ва, приходится констатировать, что опредѣленіе задачи уголовной защиты, данное имъ въ началѣ его брошюры, вполне соответствуетъ убѣжденіямъ ея автора о значеніи этого учрежденія. Да, задача уголовного защитника, по представленіямъ П—ва,—спасти подсудимаго, спасти, не останавливаясь ни предъ искаженіемъ фактовъ, ни предъ завѣдомо неправильнымъ толкованіемъ закона, спасти хотя бы цѣною гибели всего мірозданія!.. Какое же впечатлѣніе должны произвести такіе уголовные защитники, какимъ уваженіемъ могутъ они пользоваться въ обществѣ, какое отношеніе должны встрѣтить со стороны государственной власти? Должно быть, именно такіе типы имѣлъ въ виду Фридрихъ Великій, причисляя адвокатовъ къ „пьявкамъ и опаснымъ пресмыкающимся“. Надо полагать, что объ адвокатахъ, сложившихъ свою дѣятельность въ духѣ „Уголовной защиты“, говорилъ французскій канцлеръ Опиталь: „это—порода людей, изъ которыхъ большая часть не имѣютъ другой цѣли, кромѣ умноженія и затягиванія процессовъ, никакого дѣла не считаютъ дурнымъ, кромѣ тѣхъ, которыя приносятъ имъ мало прибыли“. Должно быть, исходя изъ той же точки зрѣнія на постановку уголовной защиты, писалъ извѣстный московскій публицистъ Катковъ, что „адвокатура по природѣ своей всегда вноситъ въ храмъ правосудія торгъ совѣстью и тайный безнаказанный подкупъ суда“. Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: какъ же сочетать наказуемость по закону отдѣльныхъ пособниковъ, попустителей и укрывателей преступниковъ и организованную на основаніи закона уголовную защиту при томъ ея пониманіи, которое выступаетъ въ книгѣ П—ва? Какъ можетъ государство и общество терпѣть, а тѣмъ болѣе оберегать такое антигосударственное и антиобщественное учрежденіе, которое предназначено приносить

въ жертву индивидуальнымъ, эгоистичнымъ, быть можетъ, незаконнымъ и даже прямо преступнымъ интересамъ подудимаго, безъ всякихъ колебаній и ограниченій въ другіе, высшіе интересы человѣчества? Разумѣется, такая терпимость и такія заботы о такой адвокатурѣ были бы чистѣйшимъ абсурдомъ. Конечно, въ построеніи II—ва лежитъ коренная, вопіющая ошибка. Культурное человѣчество мыслило и мыслить о задачахъ уголовной защиты совершенно иначе.

Двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ назадъ величайшему философу древней Греціи Сократу было предъявлено тяжкое обвиненіе въ томъ, что онъ не вѣрилъ въ боговъ и публично развращалъ народъ. И вотъ предъ лицомъ грозившей ему смертной казни Сократъ давалъ своимъ судьямъ свои послѣдніе объясненія. За отсутствіемъ подъ рукой первоисточника, я позволю себѣ привести здѣсь выдержки изъ статьи Н. Пороховщикова: „Прокурорскія замѣтки“ („Журналъ Министерства Юстиціи“, 1905 г., № 4, стр. 48—79). „Убѣдительно прошу васъ“, такъ говорилъ Сократъ: „не обращать вниманія на мои выраженія, а разсудить внимательно, справедливо ли то, что я говорю или нѣтъ. Въ этомъ долгъ судьбы, а мой долгъ—говорить правду... Я думаю, что не слѣдуетъ просить судью объ оправданіи. Надо убѣдить его; доказавъ ему свою невиновность. Судья судить во имя справедливости и не долженъ поступаться ею въ угоду обвиняемому; онъ далъ присягу служить закону, а не людямъ. Не должно поэтому намъ пріучать васъ къ нарушенію присяги, а вамъ не слѣдуетъ къ этому привыкать“ (стр. 50 и 53). „Это—безусловное преклоненіе предъ свободою совѣсти судей, и свобода совѣсти приводитъ ихъ къ сознательному осужденію невиннаго къ смерти“, замѣчаетъ г. Пороховщиковъ (стр. 53) и тѣмъ не менѣе справедливо признаетъ, что „съ точки зрѣнія логики это идеальная защита: спокойное, ясное, неопровержимое доказательство невиновности — и только“. Мнѣ кажется, не менѣе идеальной представляется эта защита и съ точки зрѣнія этики. Разумѣется, что оказалось подъ силу Сократу, намъ не придется въ голову ожидать и требовать отъ рядовыхъ подсудимыхъ. Но для насъ важно принципиальное обоснованіе задачи уголовной защиты, вылившееся въ словахъ древняго мудреца. Однако, оставимъ въ сторонѣ Сократа; оставимъ автора „Прокурорскихъ замѣ-

токъ“, чтобы не возникло предположенія, что я нарочно напускаю противъ автора „Уголовной защиты“ война изъ вражескаго стана. Посмотримъ, что завѣщали своимъ товарищамъ выдающіеся представители той же адвокатуры?

Въ древнемъ Римѣ одинъ изъ корифеевъ классической юриспруденціи Папиньянъ такъ характеризовалъ этическія обязанности адвоката: „должно полагать, что факты, оскорбляющіе чувства благочестія, почтенія, правдивости и вообще, противорѣчащія добрымъ нравамъ, не могутъ и не должны имѣть мѣста“.

Во Франціи знаменитый адвокатъ Молло писалъ въ своемъ обширномъ трактатѣ: „если стиль—весь человѣкъ, честность—весь адвокатъ... Общая честность для адвоката вовсе недостаточна, онъ обязанъ довести ее до крайней изысканности... Въ вашихъ рѣчахъ и вашихъ бумагахъ, въ вашихъ консультаціяхъ и вашихъ дѣловыхъ отношеніяхъ отбрасывайте же безъ колебанія всякое средство, которое не вполне законно... Правда, которую древніе олицетворяли, какъ мать всѣхъ добродѣтелей,—другая обязанность, вытекающая изъ честности. Она не состоитъ только въ томъ, чтобы въ засѣданіи или въ бумагахъ приводились лишь факты совершенно точные, она воспрещаетъ пользоваться коварными средствами, чтобы захватить врасплохъ судей. Можно ошибаться добросовѣстно въ фактахъ и въ разсужденіяхъ, но коварство—всегда ложь. Притворство и иногда умолчаніе—коварство. Адвокатъ долженъ хотѣть триумфа не для своего дѣла, а для истины... Если идетъ рѣчь о законахъ, о морали публичной и религіозной, несомнѣнно, присяга обязываетъ адвоката ничего не говорить и не обнародывать противнаго имъ“ (Mollot: „Règles de la profession d'avocat“, 1866 г., т. I, стр. 21, 22, 26, 64).

Авторъ капитальнаго труда, посвященнаго уголовной защитѣ, австрійскій ученый Варга, говоритъ: „высокое назначеніе защитника обнаруживается прежде всего въ воспретствованіи тому, чтобы подъ предлогомъ осуществленія права произошло его нарушеніе... Защитникъ приноситъ пользу не только тѣмъ гражданамъ, которыхъ онъ непосредственно защищаетъ, но также, если стоитъ на высотѣ своего призванія, полного значенія, вносить еще нѣчто могучее для развитія, роста и укрѣпленія правосознанія своего народа и

вмѣстѣ съ тѣмъ культуры... Его спеціальныя адвокатскія обязанности нѣкоторымъ образомъ видоизмѣняютъ общія гражданскія обязанности защитника. Однако, никакъ нельзя утверждать безъ униженія адвокатскаго сословія, что онъ обязанъ или хотя бы лишь уполномоченъ въ цѣляхъ дѣйствительнаго заступничества примѣнять незаконныя средства“ (Vargha: „Die Vertheidigung in Strafsachen“, 1879 г., стр. 842, 843, 844).

Тѣ же мысли вылились въ актовую рѣчи нашего извѣстнаго процессуалиста, профессора Фойницкаго: „Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное“. „Являясь представителемъ общаго интереса, а не простымъ толкователемъ желаній своего кліента“, говоритъ проф. Фойницкій: „защитникъ въ уголовномъ процессѣ не замѣняетъ, а только дополняетъ обвиняемаго... Онъ служитъ и можетъ служить правосудію только законными способами, установленными для огражденія его кліента... На защитникѣ, какъ на представителѣ задачъ общественныхъ, лежитъ важная обязанность сообразовать дѣйствія свои съ требованіями нравственности... Правильная постановка и твердая организациія защиты необходимы не только и даже не столько въ интересахъ подсудимыхъ, сколько въ интересахъ судебной правды“ („Годичный актъ Императорскаго С. Петербургскаго университета 8 февраля 1885 года“, стр. 67, 69, 70, 101).

Таковы были чистыя и свѣтлыя представленія объ уголовной защитѣ. На студенческой скамьѣ внушались они молодымъ юристамъ. Съ такимъ напутствіемъ разставалась alma mater со своими питомцами, когда они оставляли ее, чтобы выступить на широкое поприще общественной дѣятельности. И эти завѣты не заключали въ себѣ неосуществимыхъ утопическихъ бредней теоретиковъ, съ которыми бы неминуемо должны порвать свои связи практическіе дѣятели. Честнѣйшіе и достойнѣйшіе представители адвокатуры умѣли провести эти правила въ жизнь, энергично защищали ихъ отъ всякихъ враждебныхъ посягательствъ и съ нескрываемымъ презрѣніемъ отворачивались отъ проповѣдниковъ тѣхъ началъ, которые ведутъ къ апоѳеозу личныхъ интересовъ подсудимаго и увлекаютъ защиту на самое дно житейской трясины. „Что честная адвокатура, имѣющая въ виду не

однѣ лишь личныя частныя цѣли, только интересы кліентовъ, но и общественную пользу, интересы правосудія, желательна и полезна, противъ этого никто, конечно, не споритъ“, писалъ Джаншіевъ (цитир. соч. стр. 1—2): „но утверждаютъ, что такая адвокатура немыслима въ дѣйствительности, неосуществима на практикѣ и идетъ въ разрѣзъ съ организационными законами ея... Такъ могутъ говорить только тѣ, которые не имѣютъ понятія объ исторіи адвокатуры, ни о цѣляхъ и задачахъ, поставленныхъ ей жизнью и закономъ. Долго останавливаться на подобныхъ сужденіяхъ не стоитъ. Ихъ уродливость слишкомъ очевидна для всѣхъ“.

Подробное развитіе этихъ взглядовъ, подчеркивающихъ и выдвигающихъ на первый планъ общественное значеніе уголовной защиты, даетъ нѣвецъ лучшихъ дней нашей адвокатуры, ея краса и гордость К. К. Арсеньевъ. Я не хочу даже приводить отдѣльныя выдержки изъ его превосходной книги: „Замѣтки о русской адвокатурѣ“ (1875 г.): слишкомъ много пришлось бы цитировать, да, по всей вѣроятности, эта книга достаточно хорошо извѣстна всякому русскому юристу...

Что-же? устарѣли теперь эти взгляды? носятъ въ себѣ признаки застоя, зачатки разложенія? Нѣтъ, попрежнему дышатъ они свѣжестью и чистотою! Быть можетъ, начала, извлеченныя изъ брошюры П—ва, получивъ силу и развитіе, послужатъ къ процвѣтанію и славѣ адвокатуры? Конечно, нѣтъ, напротивъ—къ полной деморализаціи сословія и къ совершеннѣйшему его паденію. Результаты такихъ проповѣдей давно предначерталъ Джаншіевъ: „узнавъ что нравственность окончательно упразднена изъ адвокатскаго кодекса, хищники не замедлятъ показать свою настоящую натуру. Сдѣлки съ совѣстью, которыя до сихъ поръ совершались втихомолку, въ полумракѣ, теперь будутъ совершаться открыто, въ гордомъ сознаніи правоты“ („Русскія Вѣдомости“, 7 марта 1880 года). Но на первомъ планѣ долженъ стать не страхъ передъ натискомъ этихъ хищниковъ, для обузданія которыхъ имѣются еще кое-какія мѣры, а жалость къ тѣмъ юнымъ уголовнымъ защитникамъ, которые съ жаромъ, свойственнымъ ихъ возрасту, безъ надлежащаго критическаго отношенія, ухватятся за свѣже испеченную бро-

ширу П—ва, не замѣчая, что въ этомъ произведеніи онъ подъ видомъ хлѣба протягиваетъ имъ камень. Вотъ противъ этого вреднаго увлеченія догматами „Уголовной защиты“ обязанъ, по моему мнѣнію, возвысить свой голосъ каждый, кому дороги идеи права и правды. Не принадлежа къ адвокатской семьѣ, изо дня въ день въ судебныхъ засѣданіяхъ сражаясь съ ея представителями, считаясь среди нихъ съ достойными уваженія противниками, я полагаю, что въ числѣ негодующихъ враговъ „Уголовной защиты“ П—ва явятся всѣ маломальски порядочные члены присяжной адвокатуры; лучшіе носители ея благородныхъ традицій должны выступить въ защиту ея чести и добраго имени: „*saveant consules, ne quid detrimenti respublica capiat!*..“

Я закончилъ свой обзоръ. Да проститъ мнѣ почтенный авторъ мое непочтительное отношеніе къ его творенью. Вмѣнивъ себѣ въ обязанность публично протестовать противъ всего направленія „Уголовной защиты“, я старался воздать ей должное. И какъ-бы предвидя, что такое стремленіе можетъ привести къ ея осужденію, авторъ ея съ рѣдкою чуткостью подбодрилъ себя, на случай самой рѣзкой бичующей критики, поставивъ эпитафю своей брошюры слова Гамлета: „воздай каждому по заслугамъ, кто тогда не отвѣдаетъ плетки!“

00053133

ЮФ СПбГУ